КАРТИНЫ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ

С. А. КНЯЗЬКОВА.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ КЪ КАРТИНѢ № 1

МОСКВА,
ИЗДАНІЕ І. КНЕБЕЛЬ.
1912.

Картины по русской исторіи.

Пятьдесятъ художественно исполненныхъ картинъ въ краскахъ, размѣромъ 66×88 см. Оригиналы картинъ исполнены художниками: А. Н. Бенуа, И. Я. Билибинымъ, А. М. Васнецовымъ, В. М. Васнецовымъ, М. В. Добужинскимъ, С. В. Ивановымъ, Д. Н. Кардовскимъ, Б. М. Кустодіевымъ, Е. Е. Лансере, Л. О. Пастернакомъ, Н. К. Рерихомъ, В. А. Сѣровымъ, В. Я. Чемберсомъ.

Объяснительный текстъ, планъ и общая редакція **С. А. Князькова.**

---

50 картинъ по подпискѣ по 90 к.
50 картинъ, накл. на кожаной бумагѣ, по 1 р. 05 к.
50 картинъ на полотнѣ по 1 р. 45 к.
Каждая картина отдѣльно 1 р. 10 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на кож. бум., 1 р. 25 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на полотнѣ, 1 р. 65 к.
Объяснительный текстъ къ каждой картинѣ по 10 к.

I. Кіевская Русь.

1. Жилье восточныхъ славянъ С. В. Иванова.
2. Торговля у восточныхъ славянъ С. В. Иванова.
3. Варяги В. М. Васнецова.
4. Христіанство и язычество С. И. Иванова.
5. Судъ во время Русской Правды И. Я. Билибина.
6. Вѣче А. М. Васнецова.
7. Съѣздъ князей С. В. Иванова.

II. Суздальская Русь.

8. Новгородскій торгъ А. М. Васнецова.
9. Баскаки С. И. Иванова.
10. Дворъ удѣльнаго князя А. М. Васнецова.

III. Московская Русь.

11. Великій государь, царь и самодержецъ всея Руси С. В. Иванова.
12. Святѣйшій патріархъ С. В. Иванова.
13. Боярская дума С. В. Иванова.
14. Земскій Соборъ С. В. Иванова.
15. Въ приказѣ Московскихъ временъ С. В. Иванова.
16. Судъ въ Московскомъ государствѣ С. В. Иванова.
17. Воевода С. В. Иванова.
18. Смотръ служилыхъ людей С. В. Иванова.
19. На сторожевой границѣ Московскаго государства С. В. Иванова.
20. Стрѣльцы С. В. Иванова.
21. Юрьевъ день С. В. Иванова.
22. Площадь въ городѣ Московскаго времени А. М. Васнецова.
23. Монастырь въ Московской Руси А. М. Васнецова.
24. Школа въ Московской Руси Б. М. Кустодіева.
25. Въ горницѣ древне-русскаго дома Московскихъ временъ А. М. Васнецова.
26. Въ смутное время С. В. Иванова.
27. Во времена раскола С. В. Иванова.

IV. Всероссійская Русь.

28. Въ нѣмецкой слободѣ А. Н. Бенуа.
29. Солдаты Петра Великаго Д. Н. Кардовскаго.
30. Флотъ Петра Великаго Е. Е. Лансере.
31. Засѣданіе Сената Петровскаго времени Д. Н. Кардовскаго.
32. Петербургъ при Петрѣ Великомъ А. Н. Бенуа.
33. Смотръ новиковъ Д. Н. Кардовскаго.
34. Гулянье въ Лѣтнемъ саду при Петрѣ Великомъ А. Н. Бенуа.
35. Петръ Великій В. А. Сѣрова.
36. Императрица Анна и ея дворъ Д. Н. Кардовскаго.
37. Цесаревна Елисавета у Преображенскихъ казармъ 25 ноября 1741 г. Е. Е. Лансере.
38. Выходъ императрицы Екатерины II А. Н. Бенуа.
39. Въ лагерѣ Екатерининск. солдатъ А. Н. Бенуа.
40. Дворянское собраніе въ Екатерининскія времена В. Я. Чемберса.
41. Утро помѣщика конца XVIII, нач. XIX в. А. Н. Бенуа.
42. Вахтпарадъ при императорѣ Павлѣ А. Н. Бенуа.
43. Въ разоренной Москвѣ (1812 г.) Д. Н. Кардовскаго.
44. Въ военномъ поселеніи М. В. Добужинскаго.
45. Оборона Севастополя Д. Н. Кардовскаго.
46. Ученіе солдатъ въ Николаевское время М. В. Добужинскаго.
47. Городъ въ Николаевскія времена М. В. Добужинскаго.
48. Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ Д. Н. Кардовскаго.
49. Люди 40-хъ годовъ М. В. Добужинскаго.
50. Освобожденіе крестьянъ Б. М. Кустодіева.

ДОПОЛНЕНІЕ I. На зарѣ исторіи Н. К. Рериха.

Картины по русской исторіи,

изданныя подъ общей редакціей

С. А. КНЯЗЬКОВА.

Объяснительный текстъ

къ картинѣ № 1.

С. В. Ивановъ. Жилье восточныхъ славянъ.

Изданіе ГРОСМАНЪ и КНЕБЕЛЬ, Москва.

Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ
Москва, Трехпрудный пер.

1912.

Жилье восточныхъ славянъ.

Передъ нами изображеніе житейской сцены около одного изъ городищъ-жилитвъ въ странѣ восточныхъ славянъ. Въ VIII, IX вв. и долго послѣ такія жилитва то въ одиночку, то большими группами усѣивали все Приднѣпровье, прибрежныя части сѣвернаго конца великаго воднаго пути, на востокѣ пробирались до верхней Оки, а на западѣ берега были разсыпаны по берегамъ Западной Двины и ея восточныхъ притоковъ. До самыхъ нашихъ дней сохранились сотнями остатки этихъ жилитвъ, въ видѣ болѣе или менѣе отчетливо замѣтныхъ валовъ. То кольцеобразной формы, то овальной, рѣже угольной—эти валы опоясываютъ обыкновенно очень небольшое пространство, приблизительно по размѣрамъ своимъ могущее вмѣстить большой крестьянскій дворъ. Что эти валы очень древняго происхожденія свидѣтельствуютъ разсѣянные по сосѣдству съ ними курганы—древнія могильныя насыпи. Изслѣдованіе городищъ, раскопки кургановъ, свидѣтельства современниковъ-иностранцевъ-позволяютъ намъ составить себѣ довольно опредѣленное представленіе о жизни и бытѣ отдаленныхъ нашихъ предковъ, обитавшихъ въ этихъ жильяхъ, обнесенныхъ земляными валами, можетъ быть, иногда укрѣпленными еще частоколомъ изъ врытыхъ стоймя въ землю и заостренныхъ сверху толстыхъ бревенъ.

Жили славяне этой поры своего историческаго существованія большими семьями, связанными одна съ другой породству, но въ кругъ этихъ родственныхъ семей, какъ можно думать, принимали и чужихъ, и тогда такой чужой, пришедшій въ одиночку, или со своей семьей, считался какъ бы роднымъ, «своимъ» и долженъ былъ одинаково со всѣми дѣлить горе и радость, выгоды и невзгоды

совмѣстной жизни. Самый старшій годами, или вообще наиболѣе разумный и опытный, признавался всѣми за начальника, былъ старшиной, отцомъ всей группы семей, которыхъ жизнь и обстоятельства объединили для совмѣстнаго существованія. Жить приходилось, вѣдь, въ краю глухомъ и лѣсистомъ, среди всякихъ опасностей и отъ дикаго звѣря и отъ «чужого» человѣка, готоваго поживиться не имъ заработаннымъ и не имъ собраннымъ добромъ. Многолюдство семьи служило ручательствомъ за сравнительную безопасность. Общими усиліями легче можно было отбиться и отъ дикаго звѣрья и отъ лихихъ людей. Общими усиліями легче давалась и обработка земли и охота.

Гдѣ-нибудь у опушки большого лѣса, которому ни конца ни краю не было вѣдомо, неподалеку отъ рѣки или большого озера располагались жилья такихъ большихъ семей древнихъ славянъ. По сравненію съ укладомъ жизни большихъ семей, сохранившихся еще кое-гдѣ и теперь—у черногорцевъ и герцеговинцевъ напр., можно представить себѣ устройство жизни и нашихъ предковъ. Въ одномъ жильѣ большая семья, состоявшая изъ двадцати, тридцати, а то и пятидесяти и даже больше головъ, конечно, помѣститься не могла. Можно думать, что у каждой семейной пары, входившей въ составъ большой семьи, было свое отдѣльное жилье. Жилье побольше, обнесенное землянымъ валомъ, служило жилищемъ старшинѣ. Здѣсь внутри вала, или возлѣ него, у входа собирались взрослые мужчины, отцы отдѣльныхъ семей для совѣщаній объ общихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ. Въ студеную зимнюю пору въ жилищѣ старшины всегда горитъ огонь въ прочномъ очагѣ, и каждый членъ большой семьи можетъ прійти сюда изъ своего, на живую нитку сметаннаго, жилища погрѣться, потолковать со старшиной, поучиться у него уму-разуму, послушать его разсказы и повѣствованія о далекомъ прошломъ, о томъ времени, когда только зачиналась сама большая семья.

Жилья отдѣльныхъ семействъ разбрасывались въ безпорядкѣ неподалеку отъ жилья старшины. Всякій ставилъ свое жилье тамъ, гдѣ ему это казалось удобнѣе, окружая его тоже землянымъ валомъ какъ для тепла, такъ и въ цѣляхъ безопасности. Самыя

жилища славянъ того времени, какъ можно думать, представляли изъ себя сооруженія въ родѣ шалашей, сгороженныхъ изъ жердей и тонкихъ бревенъ, сколоченныхъ деревянными гвоздями и скрѣпами, связанныхъ лыками, скрѣпленныхъ смолою и обложенныхъ хворостомъ и дерномъ. Крыша поддерживалась столбомъ, возвышавшимся посрединѣ жилья. Внутри «жилитва» находился очагъ, истопка; отсюда произошло и наше слово изба—истба—жилье съ истопкой. Изъ домашней обстановки въ такомъ жильѣ, кромѣ печи, которая была, навѣрное, безъ трубы, имѣлись «лавы»—лавки и столъ. Столъ, какъ думаютъ, въ современномъ его значеніи, т.-е. мебели, почти несдвигающейся съ мѣста, выработался довольно поздно, и столомъ называли тогда низкую подставку, одинаково годную и для того, чтобы ставить на нее пищу, и для того, чтобы сидѣть на ней; низкія лавы были покрыты «коврами, т.-е., вѣроятно, просто шкурами звѣрей, трофеями охоты.

Главнымъ занятіемъ славянъ были земледѣліе и охота. Арабскіе писатели разсказываютъ, что у славянъ хлѣбъ составлялъ главную ихъ пищу, и особенно любили они просо, что отмѣчаютъ также и греческіе авторы. По словамъ Константина Багрянороднаго, хлѣбъ и мясо были обычнымъ жертвоприношеніемъ, а слѣдовательно и обычной пищей, потому что у всѣхъ народовъ издавна велось—приносить въ жертву богамъ то, чѣмъ сами питаются, выбирая лучшее. Еврейскій путешественникъ X в. Ибнъ-Якубъ отмѣчаетъ, что земля славянъ обильна всякаго рода жизненными припасами, что славяне народъ хозяйственный и занимаются земледѣліемъ усерднѣе, чѣмъ какой-либо другой народъ. И наши лѣтописныя сказанія сохранили черты, рисующія славянъ какъ земледѣльцевъ. «Всѣ наши городи... дѣлаютъ нивы своя и землю свою»—говоритъ Ольга древлянамъ. Археологическія находки вполнѣ подтверждаютъ эти записи. Въ могилахъ страны полянъ, древлянъ, сѣверянъ и другихъ племенъ находятъ желѣзные серпы и зерна ржи, ячменя, овса, пшеницы. Надо думать, правда, основываясь на данныхъ XI в., что извѣстны были славянамъ еще: горохъ, ленъ, макъ; изъ земледѣльческихъ орудій—письменные памятники знаютъ рало или соху, плугъ, борону, мотыку, цѣпъ. Вятичи платили,

напримѣръ, дань хазарамъ «по щьлягу отъ рала». Пахали лошадями, волами. Судя по археологическимъ находкамъ костяковъ, лошади были неважныя, малорослыя и слабыя. Не чуждо было древнимъ славянамъ пахать и людьми—и тогда эту тяжелую повинность справляли рабы и женщины. На картинѣ, въ лѣвой отъ зрителя части, и изображена такая пахота. Соха представляла изъ себя подобранный удобно по своему искривленію сукъ или корневище, круто обожженное тамъ, гдѣ соха нашихъ временъ имѣетъ сошники. Такое орудіе, конечно, еле царапало землю. Но мы и не должны думать, что сельское хозяйство тѣхъ временъ по своимъ пріемамъ и орудіямъ стояло на очень высокой степени развитія. Скотоводство тоже съ давнихъ поръ было однимъ изъ занятій славянъ, и археологическія данныя: остатки костей домашнихъ животныхъ—лошадей, овецъ, свиней, воловъ, козъ—свидѣтельствуютъ объ этомъ. Остатки птичьихъ костей—между прочимъ, куръ, и яичная скорлупа—позволяютъ говорить даже о птицеводствѣ у древнихъ славянъ. Записи арабскихъ и византійскихъ писателей, говорившихъ о жертвоприношеніи у славянъ, упоминаютъ быковъ, собакъ, пѣтуховъ, овецъ и тѣмъ совпадаютъ съ данными археологіи. Что скотоводство было вообще широко распространено, указываютъ свидѣтельства, говорящія о широкомъ употребленіи мясной пищи, матеріалъ для которой доставляла и охота. (См. на картинѣ фигуру славянина, несущаго на плечахъ убитую имъ на охотѣ косулю). Мясо ѣли не только воловье и овечье, но и конское, какъ о томъ свидѣтельствуетъ лѣтописное преданіе при характеристикѣ образа жизни Святослава, который не любилъ возить за собой въ походѣ большіе обозы съ провіантомъ, «возъ по собѣ не возяше, ни котьла, ни мясъ варя, но по тонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли или говядину, на углехъ испекъ, ядяше». Крупный скотъ—воловъ и лошадей—славяне юга пріобрѣтали у своихъ степныхъ сосѣдей, какъ о томъ разсказываетъ Константинъ Багрянородный. Скотъ разводили и держали славяне не только ради мяса, но и для молочныхъ продуктовъ. Такія слова, какъ млеко, сыръ, творогъ, масло—очень древняго происхожденія, такъ же, какъ слова «руно» и «вълна» (волна), обозначавшія шерсть, и свидѣтельствующія, слѣ-

довательно, о томъ, что славяне умѣли стричь овецъ и изготовлять родъ шерстяныхъ тканей.

Въ раскопкахъ древнихъ могилъ въ странѣ сѣверянъ, полянъ и древлянъ частую находку составляютъ остатки шерстяной матеріи, полотна какъ грубаго такъ и тонкаго, тканаго узорно и просто. Прясло, т.-е. каменные кружки отъ веретенъ, надѣвавшіеся на деревянную палочку для размаха при вращеніи—очень часто попадаются въ древнихъ могилахъ. Встрѣчаются часто слѣды и остатки кожаной обуви различныхъ фасоновъ, куски и фрагменты ременныхъ поясовъ, кожаныхъ мѣшечковъ, сумокъ; полуистлѣвшія и совсѣмъ истлѣвшія кучи шерстяныхъ остатковъ, быть-можетъ, тулуповъ и шапокъ, а можетъ быть и грубыхъ ковровъ. Находили и ножницы для стрижки овецъ. По записямъ лѣтописи, очень случайнымъ, правда, видно, что кожу мяли руками (Никита-Кожемяка), а для обработки ея—дубленья — употребляли особый составъ—«квасъ уснянъ». Въ разсказѣ о походѣ Олега на Царьградъ отчетливо противопоставляются греческія ткани—«паволоки» и «кропины» славянскимъ тканямъ—«толъстинамъ».

Сосуды и разные предметы домашняго обихода, имѣвшіе, такъ сказать, кухонное назначеніе, славяне изготовляли изъ дерева и изъ глины. Глиняные сосуды изготовлялись сначала безъ помощи гончарнаго круга, а просто руками, но потомъ, и тоже еще въ очень древнюю пору, въ употребленіе вошелъ и гончарный кругъ. При раскопкахъ—остатки глиняной посуды въ видѣ большихъ и малыхъ черепковъ, а то и въ цѣльномъ видѣ—самая частая и самая обильная находка. (См. на картинѣ характерные образцы древней глиняной посуды). Раскопки даютъ очень много остатковъ различнаго рода подѣлокъ изъ дерева. Кромѣ гробовъ, впрочемъ относящихся въ массѣ къ тѣмъ временамъ, когда среди славянъ стало въ ходу христіанское погребеніе, чаще всего встрѣчаются остатки деревянныхъ ведеръ съ желѣзными обручами и дужками. О процвѣтаніи древодѣльнаго промысла среди славянъ, жителей глухихъ лѣсовъ, много говорятъ и письменные памятники, повѣствующіе о томъ, какъ славяне дѣлали челны и лодки такой величины и прочности, что эти суда выдерживали далекое и опасное

морское путешествіе къ византійскимъ берегамъ. Умѣли славяне дѣлать телѣги, сани—все это слова, которыя встрѣчаются въ самыхъ раннихъ памятникахъ нашей письменности, а перечисленіе извѣстныхъ славянамъ древодѣльныхъ инструментовъ служитъ свидѣтельствомъ, что ихъ не пугали довольно сложныя и громоздкія плотничныя работы.

Обработка металловъ тоже была хорошо извѣстна славянамъ. «Ковачь» и «ковать» очень старыя слова въ языкѣ славянъ, какъ и «желѣзо», «мѣдь», «олово», «руда», «злато», «сребро». Археологическія находки только подтверждаютъ сравнительно высокое развитіе техники по металлу у славянъ. Въ древлянскихъ могилахъ особенно часты какъ находки обработаннаго металла, такъ и слѣды самой работы. Здѣсь находятъ остатки перегорѣвшаго желѣза изъ горновъ, большіе молоты, наковальни, большіе, грубо выкованные желѣзные гвозди, ножики, огнива. Доставали желѣзо, пользуясь болотной рудой, а какихъ высокихъ результатовъ достигала обработка, свидѣтельствуютъ находимые остатки и цѣлые предметы вооруженія—мечи, копья, окованные желѣзомъ деревянные щиты, шлемы, кольчуги. Одинъ арабскій писатель утверждаетъ, что мечи славянской работы вывозились на продажу даже въ Византію. Не чуждо славянскимъ «кузнецамъ» было и искусство обрабатывать благородные металлы. Въ знаменитой черниговской Черной могилѣ, насыпанной, судя по найденнымъ въ ней византійскимъ монетамъ, никакъ не позднѣе IX вѣка, найдены два окованныхъ серебромъ турьихъ рога. Въ другой могилѣ были найдены маленькіе наковальни и молоточки, двое вѣсовъ съ разновѣсками и окованный желѣзомъ ящичекъ—все предметы, которые могли быть въ употребленіи только у человѣка, занимавшагося обработкой благородныхъ металловъ. Черниговскія находки съ ихъ стилизованнымъ растительнымъ орнаментомъ, съ фигурами людей и животныхъ, говорятъ о большой высотѣ чеканнаго искусства. Хотя, конечно, нельзя говорить о широтѣ распространенія ювелирнаго искусства—можно утверждать только, что оно было и являлось, по всѣмъ вѣроятіямъ, искусствомъ избранныхъ. А такъ, въ обиходѣ, напримѣръ, обитателей такого жилья, какое изображено на картинѣ, подѣлки изъ желѣза были въ употребленіи

вмѣстѣ съ орудіями изъ камня и костей. Желѣзо, металлъ вообще—дешевъ быть не могъ по той трудности, съ какой онъ добывался.

Изъ другихъ промысловъ, но уже разрабатывавшихся не дома и даже не возлѣ дома, а требовавшихъ по свойству своему ухода болѣе или менѣе далеко отъ «своихъ», среди славянъ было распространено «бортничество»—добыча воска и меда отъ дикихъ, лѣсныхъ пчелъ. Самое слово «борть» обозначаетъ выдолбленное въ деревѣ дупло, которое занимали во время роя пчели. Эти борти промышленники ставили въ богатыхъ пчелами мѣстахъ, выбирая высокія кряжистыя деревья. Борть устраивали довольно высоко—руководствуясь желаніемъ затруднить къ ней доступъ лихому человѣку, а больше того лѣсному лакомкѣ—медвѣдю, который самое свое прозваніе получилъ отъ того, что хорошо вѣдалъ вкусъ меда. Собственникъ борти, какъ можно думать по позднѣйшимъ памятникамъ, сохранившимъ, однако, въ своихъ записяхъ свидѣтельства объ очень древнихъ обычаяхъ, ставили свои знаки на найденныхъ ими или заготовленныхъ ими бортяхъ. Кража меда или использованіе борти, отмѣченной чьимъ либо знакомъ, не собственникомъ, сдѣлавшимъ знакъ, по Русской Правдѣ разсматривается какъ большое преступленіе.

Охота, можно сказать, была самымъ распространеннымъ на ряду съ земледѣліемъ промысломъ у славянъ. «Ловы дѣяти», «ловити»—выраженія очень старыя въ славянскомъ языкѣ. Повѣствуя объ основателяхъ Кіева, легендарныхъ братьяхъ Кіи, Щекѣ и Хоривѣ, лѣтописное сказаніе замѣчаетъ относительно образа ихъ жизни, что они «бяху ловяще звѣрь». По арабскимъ писателямъ, «скора», т.-е. шкуры дикихъ звѣрей, мѣха, являются главнымъ предметомъ вывоза изъ страны славянъ. По свидѣтельству нашихъ лѣтописныхъ извѣстій, поляне, сѣверяне, вятичи платили хазарамъ дань «по бѣлѣй вѣверицѣ[1]) отъ дыма»; древляне платили дань кіевскимъ князьямъ «по черне куне»—по черной куницѣ. За звѣремъ гонялись верхомъ, вѣроятно, съ собаками, били его изъ руки—рогатиной, стрѣляли, особенно птицу, изъ лука, ловили сѣтями—тенетами, растянутыми въ опредѣленныхъ мѣстахъ, къ которымъ гнали звѣра, оцѣпивъ опредѣленный уча-

[2]) Зимней бѣлкѣ.

стокъ загонщиками—участниками охоты; птицу ловили при помощи особенно къ тому прiученныхъ соколовъ и ястребовъ, что, впрочемъ, было больше потѣхой, чѣмъ охотой, и распространенiе получило сравнительно въ позднее время. За какимъ звѣремъ тогда охотились? Да, конечно, за тѣмъ же самымъ, о которомъ пишетъ Мономахъ, перечисляя труды и опасности своихъ охотничьихъ подвиговъ: «въ Черниговѣ,—пишетъ онъ,—связалъ я (т.-е. поймалъ арканомъ) 120 дикихъ коней; по Роси также ловилъ я дикихъ коней собственными руками: два тура поднимали меня на рога вмѣстѣ съ конемъ; олень билъ меня рогами, а два лося—одинъ топталъ меня ногами, а другой бодалъ рогами; дикiй кабанъ оторвалъ у меня мечъ отъ пояса; медвѣдь вырвалъ у меня кусокъ сѣдла подъ колѣномъ; лютый волкъ бросился на меня и повернулъ меня вмѣстѣ съ конемъ... и съ коня много падалъ, голову разбивалъ себѣ дважды, случалось, что вредилъ себѣ руки и ноги». Если князю такъ тяжко доставались его охотничьи трофеи, то тѣмъ тяжелѣе и опаснѣе былъ охотничiй промыселъ для простыхъ людей. Охота была тогда столько же промысломъ, сколько и необходимостью—дикое звѣрье, обильно населявшее дремучiе лѣса славянской страны, порой, надо думать, положительно держало въ осадѣ разбросанныя одиночныя жилища славянъ древнѣйшей поры, и ходить на охоту значило тогда предпринимать цѣлыя экспедицiи противъ звѣря, безпощадно избивая его и тѣмъ создавая хоть какую-нибудь безопасность для жизни около самыхъ поселенiй. Важной статьей охоты были тогда еще бобры, обильными стадами засѣвшiе по приднѣпровскимъ рѣкамъ и рѣчкамъ и своей пушистой шкурой составлявшiе желанную добычу охотнику.

Располагаясь на жилье всегда около рѣкъ и озеръ, славяне, конечно, много занимались и рыболовствомъ. (см. картину). Ловили рыбу, какъ мрежами, т.-е. сѣтью или неводомъ, такъ и «удками». При раскопкахъ древнихъ городищъ и могилъ—частую находку составляютъ грузила для сѣтей и рыбьи кости, находимыя съ остатками иной пищи.

Одежду славянъ составляли ткани и шкуры дикихъ и домашнихъ животныхъ. Мужчины одѣвали на ноги порты изъ холста,

а на плечи рубахи; въ холодное время окутывались «кожухами» и «мѣхами», на ногахъ носили лапти, сплетенные изъ липовыхъ ликъ, кожаные сапоги; въ качествѣ верхняго платья, служившаго защитой отъ холода и непогоды, былъ въ ходу плащъ—четыреугольный кусокъ какой-либо ткани, который накидывался на лѣвое плечо такъ, чтобы оставалась свободной, готовой къ защитѣ и нападенію правая рука. Люди богатые послѣ того, какъ широкое развитіе торговаго движенія по Днѣпру и участіе въ торговлѣ самихъ славянъ, создавало богатство, носили одежды болѣе пышныя и богатыя, какъ свидѣтельствуютъ могильныя находки. Византійскіе писатели отмѣчаютъ, впрочемъ, что славяне особой роскошью въ одеждѣ не отличались. По словамъ Прокопія, писавшаго о славянахъ конца VI в.,—нѣкоторые изъ нихъ не имѣютъ ни сорочки, ни плаща и идутъ въ битву одѣвъ только штаны. «Это могла быть,—замѣчаетъ проф. М. Грушевскій,—какая-либо пограничная голытьба, а можетъ быть это являлось извѣстнаго рода воинскимъ шикомъ, какъ впослѣдствіи, много вѣковъ спустя, у запорожцевъ». Но что одежды въ общемъ были очень просты, свидѣтельствуетъ непосредственная запись современника-очевидца, описавшаго встрѣчу Святослава съ Іоанномъ Цимисхіемъ, когда Святославъ прибылъ на свиданіе одѣтымъ въ простую бѣлую рубаху—надо думать рубаху и порты—которые только чистотой отличались отъ одежды его спутниковъ.

Древнѣйшимъ оружіемъ славянъ, какъ и у всѣхъ народовъ, было копье; сначала это былъ просто заостренный колъ, съ обожженнымъ концомъ въ качествѣ острія; потомъ стали прилаживать каменныя, костяныя и металлическія острія; затѣмъ въ большомъ ходу былъ ножъ и сѣкира—боевой топоръ, тоже сначала каменный, а потомъ желѣзный, насаженный на сравнительно длинную рукоять; лукъ со стрѣлами и тула—колчанъ, хранилище запаса стрѣлъ, довершали арсеналъ наступательнаго оружія древнѣйшихъ временъ; мечъ—большой, широкій обоюдоострый—считается оружіемъ, которое сравнительно поздно, лишь въ X вѣкѣ, вошло въ большой обиходъ у славянъ. Въ одномъ черниговскомъ курганѣ былъ найденъ мечъ длиной около полутора

аршина, довольно широкій, обоюдоострый, съ массивной, мастерски отдѣланной и, вѣроятно, посеребренной ручкой; тамъ же были найдены и нѣсколько мечей болѣе короткихъ. Оружіемъ защитнаго порядка служили—броня, шеломъ и щитъ.

Византійскіе и арабскіе писатели, повѣствуя о военномъ бытѣ современныхъ имъ славянъ, въ общемъ не очень лестнаго мнѣнія о славянскомъ вооруженіи. По словамъ Прокопія, славяне идутъ въ бой по большей части пѣшіе, съ небольшими щитами и копьями, безъ брони; Маврикій и Левъ діаконъ, говорятъ, что славянскіе воины имѣли обыкновенно по два короткихъ копья, одно метательное, а другое боевое; луки у нихъ небольшіе съ мелкими отравленными стрѣлами; у нѣкоторыхъ бываютъ щиты, но очень большіе и неудобные въ ручномъ бою. Арабская запись, относящаяся къ IX в., также говоритъ, что вооруженіе славянъ состоитъ изъ метательныхъ дротиковъ, щитовъ и копій, но называетъ также и мечи и кольчуги. Курганныя находки, особенно въ курганахъ, гдѣ погребены были люди простые, въ качествѣ оружія содержатъ копья, ножи, стрѣлы и топоры.

Что касается внѣшняго облика нашихъ предковъ славянъ, то это вопросъ, о которомъ много спорятъ до сихъ поръ. Брили-ли славяне-мужчины себѣ головы, или носили длинные подстриженные волосы, отпускали-ли бороды, или нѣтъ—все это очень спорные вопросы, а косвенныя свидѣтельства говорятъ и за и противъ. Арабскій писатель Ибнъ-Хаукалъ, говоритъ, что у славянъ—«нѣкоторые брѣютъ бороду, нѣкоторые же изъ нихъ свиваютъ ее на подобіе громадной гривы и окрашиваютъ ее желтой или черной краской». Другой арабъ—Аль-Бекри—тоже говоритъ, что «иные изъ руссовъ брѣютъ бороды, другіе же изъ нихъ закручиваютъ свои бороды на подобіе кудрей». Про Святослава, описывая его свиданіе съ Цимисхіемъ, Левъ діаконъ сообщаетъ, что «бороду онъ имѣлъ оголенную и съ верхней губы вдоль висѣли густые большіе пряди волосъ (усы); голова же была вся оголенная, только сверху ея въ сторону развѣвалась кудря (оселедецъ), означающая благородное его происхожденіе... видъ лица его былъ мрачный и звѣрскій; въ одномъ ухѣ висѣла золотая серьга, двумя жемчужинами

украшенная, между ними вставленъ былъ червчатый яхонтъ». Но сообщенія арабскихъ писателей относятся, можетъ быть, и не къ славянъ, а къ болгарамъ, напримѣръ. Святославъ же, навѣрное, въ своемъ обликѣ сохранилъ еще черты своего норманнскаго происхожденія. Остается думать, что славяне давней поры и брили головы и бороды, и не дѣлали этого. Что касается археологическихъ данныхъ, то въ большинствѣ могилъ находятъ длинные головные волосы.

Сказать что-нибудь опредѣленное о внѣшнемъ обликѣ славянъ тѣмъ труднѣе, что въ наукѣ не совсѣмъ выясненъ даже физическій видъ древнѣйшихъ славянъ.

По мнѣнію проф. Л. Нидерле, «славяне, какъ и германцы и галлы принадлежали первоначально къ одному типу — длинноголовому и съ свѣтлой комплексіей и что еще въ началѣ исторической эпохи они были сходны между собой. Нынѣшній славянскій типъ, противорѣчащій такому представленію, надо объяснять или тѣмъ, что славяне съ очень древнихъ временъ смѣшивались на востокѣ съ разными, физически отличавшимися отъ нихъ азіатскими племенами, а на юго-западѣ съ неизвѣстной до сихъ поръ коротко-головой и темноволосой расой средней Европы, или же тѣмъ, что съ теченіемъ вѣковъ типъ ихъ измѣнился вслѣдствіе эволюціи подъ вліяніемъ разныхъ причинъ, внутреннихъ и внѣшнихъ. Теперь славяне представляютъ собой племя вполнѣ короткоголовое и по большей части съ темной комплексіей, т.-е. съ темными волосами и глазами». Проф. Ами раздѣляетъ славянъ по ихъ антропологическимъ признакамъ на два основныхъ типа: 1) свѣтловолосый, небольшого роста, къ которому онъ причисляетъ полабскихъ славянъ, поляковъ, бѣлоруссовъ и великоруссовъ и 2) темноволосый, высокаго роста, къ которому, по его мнѣнію, принадлежатъ сербо-кроаты, словенцы, чехи, словаки и малоруссы. Византійскіе и арабскіе писатели VI, VII, VIII и IX вв. описываютъ славянъ, какъ высокихъ блондиновъ. Прокопій говоритъ, что славяне очень сильны, высокаго роста, цвѣтъ волосъ имѣютъ ни темный, ни слишкомъ свѣтлый, но всѣ они рыжіе. У арабовъ славяне всегда именуются русыми. «Славяне народъ съ румянымъ цвѣтомъ лица и русыми

волосами».— говоритъ Абу Мансуръ. Даже своихъ за высокій ростъ, бѣлокурые волосы и голубые глаза они называютъ въ шутку славянами. Но, вѣроятно, эта подчеркнутая бѣлокурость славянъ казалась таковой на арабскій взглядъ, по сравненію съ ихъ собственной смуглостью и темнымъ волосомъ, такъ какъ археологическія находки свидѣтельствуютъ, что у славянъ преобладалъ темнорусый цвѣтъ волосъ.

Посмотримъ теперь, какъ сложился внутренній бытъ славянъ при тѣхъ естественныхъ условіяхъ, которыя они встрѣтили на русской равнинѣ. Мирный, земледѣльческій характеръ славянъ придавалъ ихъ нравамъ значительную мягкость; объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ писавшіе о славянахъ. Славяне своими нравами производили выгодное впечатлѣніе; «въ нихъ нѣтъ ни зложелательства, ни коварства,—говоритъ одинъ византійскій писатель, они любятъ свободу, не выносятъ ига рабства и повиновенія, соблюдаютъ цѣломудріе и исполнены мужества и кротости; честность ихъ такова, что имъ вовсе неизвѣстны воровство и обманъ». Въ особенности хвалятъ древніе историки гостепріимство славянъ: когда къ нимъ является иностранецъ, они провожаютъ его изъ одного мѣста въ другое и, если случится, что странникъ потерпитъ какую-нибудь бѣду по нерадѣнію своего хозяина, то сосѣдъ послѣдняго вооружается противъ него, почитая священнымъ долгомъ отмстить за странника. Съ плѣнными славяне обращались кротко: плѣнники не оставались у нихъ рабами цѣлый свой вѣкъ, какъ у другихъ народовъ, но по прошествіи извѣстнаго срока вольны были или возвратиться къ своимъ, давши выкупъ, или остаться жить между славянами. Родителямъ славяне оказывали почтеніе, заботились о нихъ въ старости.

Писавшіе о славянахъ византійцы указываютъ также на ихъ мужество въ бою, и умѣнье примѣнять въ дѣлѣ борьбы военныя хитрости, между которыми особенно замѣчателенъ ихъ обычай прятаться въ водѣ, выставляя для дыханія тростникъ; если же славяне сражались въ полѣ, то окружали себя укрѣпленіемъ изъ телѣгъ, ставя внутри женщинъ и дѣтей. Но они избѣгали выходить на бой въ открытое поле; природа ихъ страны да-

зала имъ уже достаточный оплотъ противъ враговъ. Такъ какъ селенія ихъ всегда лежали при рѣкахъ, —«которыя такъ часты, что между ними не остается значительнаго пространства»—то идущіе на нихъ войною принуждены бывали останавливаться у самаго предѣла ихъ страны; между тѣмъ славяне, почуявъ приближеніе враговъ, мгновенно укрывались отъ нападенія. Съ другой стороны, мирный земледѣльческій бытъ славянъ мѣшалъ имъ обратиться въ завоевателей. Отмѣчаютъ византійскіе историки и частые раздоры среди славянскихъ племенъ: «между ними, —говоритъ одинъ писатель,— господствовали постоянно различныя мнѣнія; ни въ чемъ они не были между собой согласны; если одни въ чемъ-нибудь согласятся, то другіе тотчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшеніе, потому что всѣ питаютъ другъ къ другу вражду и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому».

Далеко не такъ снисходителенъ былъ къ нравамъ древнихъ славянъ русскій лѣтописецъ: какъ христіанинъ и монахъ, онъ съ омерзеніемъ смотрѣлъ на все, что напоминало объ язычествѣ. Только о полянахъ отзывается онъ благосклонно, говоря, что они имѣли обычаи кроткіе и тихіе, были стыдливы передъ снохами и сестрами, матерями и отцами, свекровями и деверьями, имѣли брачный обычай. Нравы другихъ славянскихъ племенъ лѣтопись изображаетъ, напротивъ, мрачными чертами: древляне жили «по-скотски», убивали другъ друга, ѣли все нечистое, и, вмѣсто брака, похищали дѣвицъ; радимичи, вятичи и сѣверяне имѣли одинаковый обычай — жили въ лѣсу, какъ звѣри, ѣли все нечистое, срамословили передъ отцами и передъ снохами; браковъ у нихъ также не было, но происходили игрища между селами, гдѣ молодые люди, сговорившись съ дѣвицами, похищали ихъ; держали по двѣ и по три жены; если кто умретъ, творили надъ нимъ тризну, сожигали трупъ и, собравши кости, складывали ихъ въ малый сосудъ, который ставили въ столпѣ (курганѣ), на распутьи.

Настоящее изданіе картинъ по русской исторіи ставитъ себѣ задачей дать рядъ изображеній характернѣйшихъ моментовъ культурной жизни Россіи, опредѣляющихъ ея историческое развитіе и очерчивающихъ ея прошлый бытъ, какъ его можно себѣ представить на основаніи памятниковъ прошлаго и научныхъ изслѣдованій старины.

Курсъ русской исторіи обычно принято дѣлить на четыре большихъ періода: I. Кіевская Русь; II. Суздальская Русь; III. Московская Русь; IV. Всероссійская Русь.

Важнѣйшими уроками въ изложеніи перваго періода можно считать разсказы: *о славянахъ, предкахъ русскаго народа, объ ихъ торговлѣ, о появленіи варяговъ* и объ ихъ значеніи въ созданіи славяно-русской государственности, *о началѣ христіанства на Руси, о судѣ, объ управленіи вѣчевомъ и княжескомъ* въ Руси Кіевскихъ временъ. Семь картинъ на соотвѣтствующія темы въ предлагаемомъ изданіи и ставятъ себѣ цѣлью дать живописное художественное изображеніе указанныхъ моментовъ исторической жизни русскаго народа.

Въ Суздальскій періодъ исторической жизни великорусскаго народа изученіе его прошлыхъ судебъ болѣе всего останавливается на внѣшнемъ фактѣ татарскаго нашествія, приведшаго въ концѣ-концовъ къ исчезновенію самостоятельности Южной Руси, вскорѣ завоеванной Литвой, и на установленіи на сѣверо-востокѣ удѣльнаго строя государственной жизни. На эти темы даются двѣ картины: „*Баскаки*“ и „*Дворъ удѣльнаго князя*“.

Картины, освѣщающія бытъ Московскаго государства, можно раздѣлить на четыре большихъ группы. Первая имѣетъ задачей показать въ художественномъ изображеніи государственную власть тѣхъ временъ въ ея обычномъ каждодневномъ проявленіи. (См. по списку картины 11—17.) Ко второй группѣ картинъ относятся тѣ, которыя даютъ изображенія моментовъ жизни трехъ важнѣйшихъ отдѣльныхъ слоевъ общества тѣхъ временъ въ ихъ отношеніи къ государству, въ ихъ „службѣ“ государству. (См. карт. 18—22.) Третья группа картинъ имѣетъ задачей иллюстрировать тѣ стороны жизни, которыя въ общежитіи преимущественно называютъ культурными. (См. карт. 23—25.) Четвертую группу картинъ, относящихся къ исторіи Московскаго государства, составляютъ двѣ, имѣющія своей задачей изобразить моменты изъ тѣхъ двухъ крупныхъ событій, которыя не только потрясли въ основаніи Московское государство, но наиболѣе ярко за все время его существованія опредѣлили, чѣмъ оно жило, какой характеръ устои его жизни имѣли и сколь жизненно прочны они были. Эти событія, конечно, „*Смута*“ и „*Расколъ церкви*“. Картина 26 и 27 даютъ характерную сцену изъ исторіи смутнаго времени и изъ временъ раскола.

Картины, относящіяся къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ русской исторіи, не представилось возможнымъ сгруппировать въ такія же цѣльныя и сравнительно полныя серіи, опредѣленно, немногими яркими чертами рисующія суть жизненныхъ явленій и быта даннаго времени. Препятствовали этому, съ одной стороны, большая сложность и многообразность явленій исторической жизни за это время, а съ другой—историческая близость къ нашей современности, своего рода незаконченность развитія многихъ сторонъ жизни XVIII и XIX вв. Поэтому пришлось взять для иллюстраціи характерные для каждаго раздѣленія моменты иногда болѣе внѣшняго, чѣмъ внутренняго значенія, но всегда имѣя въ виду иллюстрировать не самый фактъ, взятый самъ-по-себѣ, а воспользоваться имъ въ его внутреннемъ смыслѣ—взять его какъ характерный для данной эпохи, какъ обобщающій извѣстное историческое состояніе даннаго времени.

Время Петра Великого, какъ время реформъ, въ результатѣ положившихъ грань между Русью Московской и имперіей Всеросійской и легшихъ въ основу исторической жизни Россіи, какъ европейской державы, рисуютъ

картины, которыя очерчиваютъ главнѣйшія изъ реформъ, даютъ изображеніе новыхъ людей, новаго быта, новаго управленія и указываютъ на пріемы реформатора въ его дѣятельности. (См. картины 28—35.)

Времени наслѣдниковъ Петра Великаго, характеризуемаго обыкновенно какъ время дворцовыхъ переворотовъ и господство фаворитовъ при дворѣ, посвящены картины 36 и 37.

Времени Екатерины II посвящено четыре картины (38—41): *„Выходъ императрицы Екатерины II“*, *„Въ лагерь Екатерининскихъ солдатъ“*, *„Дворянское собраніе при Екатеринѣ II“*, *„Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII в.“*.

Картина (42) *„Вахтпарадъ императора Павла I“* характеризуетъ это сумрачное царствованіе съ его шагистикой и муштровкой.

Времени Александра I посвящаются три картины. Первая изображаетъ опредѣляющее внѣшнее событіе того времени—1812 г., рисуя *разореніе Москвы* французами (43); вторая характеризуетъ смутное и тяжелое время аракчеевщины, изображая сцену *изъ жизни военныхъ поселеній* (44); третья (45), *„Декабристы“*, дастъ изображеніе изъ исторіи протеста противъ гнета аракчеевщины.

Время Николая I характеризуется картинами въ трехъ направленіяхъ, какія намѣчались въ тогдашней жизни. Это, во-первыхъ, все нивеллирующая и ставящая въ одну шеренгу, подъ одну фельдфебельскую палку, солдатчина, съ ея балетной муштрой и ярко начищенной амуниціей. (См. карт. 46 — *„Ученье рекрутъ въ Николаевское время“*.) Второй чертой Николаевскаго времени, во многомъ являвшейся слѣдствіемъ установившагося режима и господства крѣпостного права, является та общественная неподвижность и спячка опекаемыхъ благодѣтельнымъ начальствомъ среднихъ слоевъ населенія. Картина (47), изображающая *„Городъ Николаевскихъ временъ“*, пытается дать внѣшнее изображеніе жизни русскаго обывателя тѣхъ временъ, а картина *„Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ“* (48) рисуетъ тѣ вольно и невольно беззаботно веселыя стороны тогдашней жизни, въ которыхъ почти исключительно выражалась вся ея общественность. Третьей чертой Николаевской эпохи, конечно, будетъ то пробужденіе мысли и стремленіе къ жизни и свѣту, котораго ничто не смогло задавить и которое выразилось въ декабристахъ, Пушкинѣ, расцвѣтѣ литературно-научныхъ интересовъ въ Москвѣ, съ ея университетомъ, около 40-хъ годовъ, когда гремѣли по московскимъ гостинымъ споры западниковъ и славянофиловъ, а въ Московскомъ университетѣ раздавалось вдохновенное слово Т. Н. Грановскаго. На эту тему и отвѣчаетъ картина (49) *„Люди 40-хъ годовъ“*.

Картина (50), относящаяся къ моменту *освобожденія крестьянъ*, завершаетъ собой пока серію картинъ по русской исторіи.

Въ распоряженіе преподавателя русской исторіи поступаютъ, такимъ образомъ, пятьдесятъ картинъ, изображающихъ важные моменты въ развитіи жизни русскаго народа. Горячимъ желаніемъ издателя, составителя плана и редактора и всѣхъ принимавшихъ участіе въ созданіи самыхъ картинъ было, чтобы онѣ сослужили свою добрую службу русской школѣ, изученію прошлаго русской жизни, пробужденію любви къ тому прошлому; какъ порой ни печально и ни безотрадно оно было, но оно пережилось и, въ концѣ-концовъ, должно привести черезъ плодотворное настоящее къ доброму и свѣтлому будущему, вѣрно понять и оцѣнить которое безъ знанія прошлаго нельзя.

Кромѣ этой серіи, нами намѣчено изданіе ряда картинъ, которыя изображаютъ важнѣйшіе моменты русской исторіи въ ея связи со внѣшними событіями, среди которыхъ совершался политическій ростъ страны и развитіе русской державы.

Т-ВО СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ, МОСКВА.

КАРТИНЫ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ

С. А. КНЯЗЬКОВА

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ КЪ КАРТИНѢ № 1

МОСКВА,
ИЗДАНІЕ І. КНЕБЕЛЬ.
1912.

Картины по русской исторіи.

Пятьдесятъ художественно исполненныхъ картинъ въ краскахъ, размѣромъ 66×88 см. Оригиналы картинъ исполнены художниками: А. Н. Бенуа, И. Я. Билибинымъ, А. М. Васнецовымъ, В. М. Васнецовымъ, М. В. Добужинскимъ, С. В. Ивановымъ, Д. Н. Кардовскимъ, Б. М. Кустодіевымъ, Е. Е. Лансере, Л. О. Пастернакомъ, Н. К. Рерихомъ, В. А. Сѣровымъ, В. Я. Чемберсомъ.

Объяснительный текстъ, планъ и общая редакція С. А. Князькова.

---

50 картинъ по подпискѣ по 90 к.
50 картинъ, накл. на кожаной бумагѣ, по 1 р. 05 к.
50 картинъ на полотнѣ по 1 р. 45 к.
Каждая картина отдѣльно 1 р. 10 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на кож. бум., 1 р. 25 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на полотнѣ, 1 р. 65 к.
Объяснительный текстъ къ каждой картинѣ по 10 к.

I. Кіевская Русь.

1. Жилье восточныхъ славянъ С. В. Иванова.
2. Торговля у восточныхъ славянъ С. В. Иванова.
3. Варяги В. М. Васнецова.
4. Христіанство и язычество С. И. Иванова.
5. Судъ во время Русской Правды И. Я. Билибина.
6. Вѣче А. М. Васнецова.
7. Съѣздъ князей С. В. Иванова.

II. Суздальская Русь.

8. Новгородскій торгъ А. М. Васнецова.
9. Баскаки С. И. Иванова.
10. Дворъ удѣльнаго князя А. М. Васнецова.

III. Московская Русь.

11. Великій государь, царь и самодержецъ всея Руси С. В. Иванова.
12. Святѣйшій патріархъ С. В. Иванова.
13. Боярская дума С. В. Иванова.
14. Земскій Соборъ С. В. Иванова.
15. Въ приказѣ Московскихъ временъ С. В. Иванова.
16. Судъ въ Московскомъ государствѣ С. В. Иванова.
17. Воевода С. В. Иванова.
18. Смотръ служилыхъ людей С. В. Иванова.
19. На сторожевой границѣ Московскаго государства С. В. Иванова.
20. Стрѣльцы С. В. Иванова.
21. Юрьевъ день С. В. Иванова.
22. Площадь въ городѣ Московскаго времени А. М. Васнецова.
23. Монастырь въ Московской Руси А. М. Васнецова.
24. Школа въ Московской Руси Б. М. Кустодіева.
25. Въ горницѣ древне-русскаго дома Московскихъ временъ А. М. Васнецова.
26. Въ смутное время С. В. Иванова.
27. Во времена раскола С. В. Иванова.

IV. Всероссійская Русь.

28. Въ нѣмецкой слободѣ А. Н. Бенуа.
29. Солдаты Петра Великаго Д. Н. Кардовскаго.
30. Флотъ Петра Великаго Е. Е. Лансере.
31. Засѣданіе Сената Петровскаго времени Д. Н. Кардовскаго.
32. Петербургъ при Петрѣ Великомъ А. Н. Бенуа.
33. Смотръ новиковъ Д. Н. Кардовскаго.
34. Гулянье въ Лѣтнемъ саду при Петрѣ Великомъ А. Н. Бенуа.
35. Петръ Великій В. А. Сѣрова.
36. Императрица Анна и ея дворъ Д. Н. Кардовскаго.
37. Цесаревна Елисавета у Преображенскихъ казармъ 25 ноября 1741 г. Е. Е. Лансере.
38. Выходъ императрицы Екатерины II А. Н. Бенуа.
39. Въ лагерѣ Екатерининск. солдатъ А. Н. Бенуа.
40. Дворянское собраніе въ Екатерининскія времена В. Я. Чемберса.
41. Утро помѣщика конца XVIII, нач. XIX в. А. Н. Бенуа.
42. Вахтпарадъ при императорѣ Павлѣ А. Н. Бенуа.
43. Въ разоренной Москвѣ (1812 г.) Д. Н. Кардовскаго.
44. Въ военномъ поселеніи М. В. Добужинскаго.
45. Оборона Севастополя Д. Н. Кардовскаго.
46. Ученіе солдатъ въ Николаевское время М. В. Добужинскаго.
47. Городъ въ Николаевскія времена М. В. Добужинскаго.
48. Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ Д. Н. Кардовскаго.
49. Люди 40-хъ годовъ М. В. Добужинскаго.
50. Освобожденіе крестьянъ Б. М. Кустодіева.

ДОПОЛНЕНІЕ I. На зарѣ исторіи Н. К. Рериха.

Картины по русской исторіи,

изданныя подъ общей редакціей

С. А. КНЯЗЬКОВА.

Объяснительный текстъ

къ картинѣ № 1.

С. В. Ивановъ. Жилье восточныхъ славянъ.

Изданіе ГРОСМАНЪ и КНЕБЕЛЬ. Москва.

Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ
Москва, Трехпрудный пер.

1912.

Жилье восточныхъ славянъ.

Передъ нами изображеніе житейской сцены около одного изъ городищъ жилитвъ въ странѣ восточныхъ славянъ. Въ VIII, IX вв. и долго послѣ такія жилитва то въ одиночку, то большими группами усѣивали все Приднѣпровье, прибрежныя части сѣвернаго конца великаго воднаго пути, на востокѣ пробирались до верхней Оки, а на западѣ берега были разсѣяны по берегамъ Западной Двины и ея восточныхъ притоковъ. До самыхъ нашихъ дней сохранились сотнями остатки этихъ жилищъ, въ видѣ болѣе или менѣе отчетливо замѣтныхъ валовъ. То кольцеобразной формы, то овальной, рѣже угольной — эти валы опоясываютъ обыкновенно очень небольшое пространство, приблизительно по размѣрамъ своимъ могущее вмѣстить большой крестьянскій дворъ. Что эти валы очень древняго происхожденія свидѣтельствуетъ разсѣянные по сосѣдству съ ними курганы — древнія могильныя насыпи. Изслѣдованіе городищъ, раскопки кургановъ, свидѣтельства современниковъ-иностранцевъ позволяютъ намъ составить себѣ довольно опредѣленное представленіе о жизни и бытѣ отдаленныхъ нашихъ предковъ, обитавшихъ въ этихъ жильяхъ, обнесенныхъ земляными валами, можетъ быть, иногда укрѣпленными еще частоколомъ изъ врытыхъ стоймя въ землю и заостренныхъ сверху толстыхъ бревенъ.

Жили славяне этой поры своего историческаго существованія большими семьями, связанными одна съ другой породству, но въ кругъ этихъ родственныхъ семей, какъ можно думать, принимали и чужихъ, и тогда такой чужой, пришедшій въ одиночку, или со своей семьей, считался какъ бы роднымъ, «своимъ» и долженъ былъ одинаково со всѣми дѣлить горе и радость, выгоды и невзгоды

совмѣстной жизни. Самый старшій годами, или вообще наиболѣе разумный и опытный, признавался всѣми за начальника, былъ старшиной, отцомъ всей группы семей, которыхъ жизнь и обстоятельства объединили для совмѣстнаго существованія. Жить приходилось, вѣдь, въ краю глухомъ и лѣсистомъ, среди всякихъ опасностей и отъ дикаго звѣря и отъ «чужого» человѣка, готоваго поживиться не имъ заработаннымъ и не имъ собраннымъ добромъ. Многолюдство семьи служило ручательствомъ за сравнительную безопасность. Общими усиліями легче можно было отбиться и отъ дикаго звѣрья и отъ лихихъ людей. Общими усиліями легче давалась и обработка земли и охота.

Гдѣ-нибудь у опушки большого лѣса, которому ни конца ни краю не было вѣдомо, неподалеку отъ рѣки или большого озера располагались жилья такихъ большихъ семей древнихъ славянъ. По сравненію съ укладомъ жизни большихъ семей, сохранившихся еще кое-гдѣ и теперь—у черногорцевъ и герцеговинцевъ напр., можно представить себѣ устройство жизни и нашихъ предковъ. Въ одномъ жильѣ большая семья, состоявшая изъ двадцати, тридцати, а то и пятидесяти и даже больше головъ, конечно, помѣститься не могла. Можно думать, что у каждой семейной пары, входившей въ составъ большой семьи, было свое отдѣльное жилье. Жилье побольше, обнесенное земляным валомъ, служило жилищемъ старшинѣ. Здѣсь внутри вала, или возлѣ него, у входа собирались взрослые мужчины, отцы отдѣльныхъ семей для совѣщаній объ общихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ. Въ студеную зимнюю пору въ жилищѣ старшины всегда горитъ огонь въ прочномъ очагѣ, и каждый членъ большой семьи можетъ прійти сюда изъ своего, на живую нитку сметаннаго, жилища погрѣться, потолковать со старшиной, поучиться у него уму-разуму, послушать его разсказы и повѣствованія о далекомъ прошломъ, о томъ времени, когда только зачиналась сама большая семья.

Жилья отдѣльныхъ семействъ разбрасывались въ безпорядкѣ неподалеку отъ жилья старшины. Всякій ставилъ свое жилье тамъ, гдѣ ему это казалось удобнѣе, окружая его тоже землянымъ валомъ какъ для тепла, такъ и въ цѣляхъ безопасности. Самыя

жилища славянъ того времени, какъ можно думать, представляли изъ себя сооруженія въ родѣ шалашей, сгороженныхъ изъ жердей и тонкихъ бревенъ, сколоченныхъ деревянными гвоздями и скрѣпами, связанныхъ лыками, скрѣпленныхъ смолою и обложенныхъ хворостомъ и дерномъ. Крыша поддерживалась столбомъ, возвышавшимся посрединѣ жилья. Внутри «жилитва» находился очагъ, истопка; отсюда произошло и наше слово изба—истба—жилье съ истопкой. Изъ домашней обстановки въ такомъ жильѣ, кромѣ печи, которая была, навѣрное, безъ трубы, имѣлись «лавы»—лавки и столъ. Столъ, какъ думаютъ, въ современномъ его значеніи, т.-е. мебели, почти недвигающейся съ мѣста, выработался довольно поздно, и столомъ называли тогда низкую подставку, одинаково годную и для того, чтобы ставить на нее пищу, и для того, чтобы сидѣть на ней; низкія лавы были покрыты «коврами, т. е., вѣроятно, просто шкурами звѣрей, трофеями охоты.

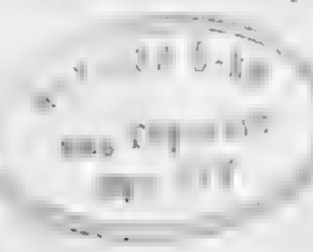
Главнымъ занятіемъ славянъ были земледѣліе и охота. Арабскіе писатели разсказываютъ, что у славянъ хлѣбъ составлялъ главную ихъ пищу, и особенно любили они просо, что отмѣчаютъ также и греческіе авторы. По словамъ Константина Багрянороднаго, хлѣбъ и мясо были обычнымъ жертвоприношеніемъ, а слѣдовательно и обычной пищей, потому что у всѣхъ народовъ издавна велось—приносить въ жертву богамъ то, чѣмъ сами питаются, выбирая лучшее. Еврейскій путешественникъ X в. Ибнъ-Якубъ отмѣчаетъ, что земля славянъ обильна всякаго рода жизненными припасами, что славяне народъ хозяйственный и занимаются земледѣліемъ усерднѣе, чѣмъ какой-либо другой народъ. И наши лѣтописныя сказанія сохранили черты, рисующія славянъ какъ земледѣльцевъ. «Всѣ наши городи... дѣлаютъ нивы своя и землю свою»—говоритъ Ольга древлянамъ. Археологическія находки вполнѣ подтверждаютъ эти записи. Въ могилахъ страны полянъ, древлянъ, сѣверянъ и другихъ племенъ находятъ желѣзные серпы и зерна ржи, ячменя, овса, пшеницы. Надо думать, правда, основываясь на данныхъ XI в., что извѣстны были славянамъ еще: горохъ, ленъ, макъ; изъ земледѣльческихъ орудій—письменные памятники знаютъ рало или соху, плугъ, борону, мотыку, цѣпъ. Вятичи платили,

напримѣръ, дань хазарамъ «по щьлягу отъ рала». Пахали лошадями, волами. Судя по археологическимъ находкамъ костяковъ, лошади были неважныя, малорослыя и слабыя. Не чуждо было древнимъ славянамъ пахать и людьми—и тогда эту тяжелую повинность справляли рабы и женщины. На картинѣ, въ лѣвой отъ зрителя части, и изображена такая пахота. Соха представляла изъ себя подобранный удобно по своему искривленію сукъ или корневище, круто обожженное тамъ, гдѣ соха нашихъ временъ имѣетъ сошники. Такое орудіе, конечно, еле царапало землю. Но мы и не должны думать, что сельское хозяйство тѣхъ временъ по своимъ пріемамъ и орудіямъ стояло на очень высокой степени развитія. Скотоводство тоже съ давнихъ поръ было однимъ изъ занятій славянъ, и археологическія данныя: остатки костей домашнихъ животныхъ—лошадей, овецъ, свиней, воловъ, козъ—свидѣтельствуютъ объ этомъ. Остатки птичьихъ костей—между прочимъ, куръ, и яичная скорлупа—позволяютъ говорить даже о птицеводствѣ у древнихъ славянъ. Записи арабскихъ и византійскихъ писателей, говорившихъ о жертвоприношеніи у славянъ, упоминаютъ быковъ, собакъ, пѣтуховъ, овецъ и тѣмъ совпадаютъ съ данными археологіи. Что скотоводство было вообще широко распространено, указываютъ свидѣтельства, говорящія о широкомъ употребленіи мясной пищи, матеріалъ для которой доставляла и охота. (См. на картинѣ фигуру славянина, несущаго на плечахъ убитую имъ на охотѣ косулю). Мясо ѣли не только воловье и овечье, но и конское, какъ о томъ свидѣтельствуетъ лѣтописное преданіе при характеристикѣ образа жизни Святослава, который не любилъ возить за собой въ походѣ большіе обозы съ провіантомъ, «возъ по собѣ не возяше, ни котьла, ни мясъ варя, но по тонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли или говядину, на углехъ испекъ, ядяше». Крупный скотъ—воловъ и лошадей—славяне юга пріобрѣтали у своихъ степныхъ сосѣдей, какъ о томъ разсказываетъ Константинъ Багрянородный. Скотъ разводили и держали славяне не только ради мяса, но и для молочныхъ продуктовъ. Такія слова, какъ млеко, сыръ, творогъ, масло—очень древняго происхожденія, такъ же, какъ слова «руно» и «вълна» (волна), обозначавшія шерсть, и свидѣтельствующія, слѣ-

довательно, о томъ, что славяне умѣли стричь овецъ и изготовлять родъ шерстяныхъ тканей.

Въ раскопкахъ древнихъ могилъ въ странѣ сѣверянъ, полянъ и древлянъ частую находку составляютъ остатки шерстяной матеріи, полотна, какъ грубаго такъ и тонкаго, гладкаго узорнаго и пестраго. Пряслы т.-е. каменные кружки отъ веретенъ, надѣвавшіеся на деревянную палочку для размаха при вращеніи—очень часто попадаются въ древнихъ могилахъ. Встрѣчаются часто слѣды и остатки кожаной обуви различныхъ фасоновъ, куски и фрагменты ременныхъ поясовъ, кожаныхъ мѣшечковъ, сумокъ; попадаются и совсѣмъ истлѣвшія кучи шерстяныхъ остатковъ, быть-можетъ, тулуповъ и шапокъ, а можетъ быть и грубыхъ ковровъ. Находили и ножницы для стрижки овецъ. По записямъ лѣтописи, очень случайнымъ, правда, видно, что кожу мяли руками (Никита-Кожемяка), а для обработки ея—дубленья — употребляли особый составъ—«квасъ уснянъ». Въ разсказѣ о походѣ Олега на Царьградъ отчетливо противопоставляются греческія ткани—«паволоки» и «кропинныя» славянскимъ тканямъ—«тольстинамъ».

Сосуды и разные предметы домашняго обихода, имѣвшіе, такъ сказать, кухонное назначеніе, славяне изготовляли изъ дерева и изъ глины. Глиняные сосуды изготовлялись сначала безъ помощи гончарнаго круга, а просто руками, но потомъ, и тоже еще въ очень древнюю пору, въ употребленіе вошелъ и гончарный кругъ. При раскопкахъ—остатки глиняной посуды въ видѣ большихъ и малыхъ черепковъ, а то и въ цѣльномъ видѣ—самая частая и самая обильная находка. (См. на картинѣ характерные образцы древней глиняной посуды). Раскопки даютъ очень много остатковъ различнаго рода подѣлокъ изъ дерева. Кромѣ гробовъ, впрочемъ относящихся въ массѣ къ тѣмъ временамъ, когда среди славянъ стало въ ходу христіанское погребеніе, чаще всего встрѣчаются остатки деревянныхъ ведеръ съ желѣзными обручами и дужками. О процвѣтаніи древодѣльнаго промысла среди славянъ, жителей глухихъ лѣсовъ, много говорятъ и письменные памятники, повѣствующіе о томъ, какъ славяне дѣлали челны и лодки такой величины и прочности, что эти суда выдерживали далекое и опасное

морское путешествіе къ византійскимъ берегамъ. Умѣли славяне дѣлать телѣги, сани—все это слова, которыя встрѣчаются въ самыхъ раннихъ памятникахъ нашей письменности, а перечисленіе извѣстныхъ славянамъ древодѣльныхъ инструментовъ служитъ свидѣтельствомъ, что ихъ не пугали довольно сложныя и громоздкія плотничныя работы.

Обработка металловъ тоже была хорошо извѣстна славянамъ. «Ковачь» и «ковать» очень старыя слова въ языкѣ славянъ, какъ и «желѣзо», «мѣдь», «олово», «руда», «злато», «сребро». Археологическія находки только подтверждаютъ сравнительно высокое развитіе техники по металлу у славянъ. Въ древлянскихъ могилахъ особенно часты какъ находки обработаннаго металла, такъ и слѣды самой работы. Здѣсь находятъ остатки перегорѣвшаго желѣза изъ горновъ, большіе молоты, наковальни, большіе, грубо выкованные желѣзные гвозди, ножики, огнива. Доставали желѣзо, пользуясь болотной рудой, а какихъ высокихъ результатовъ достигала обработка, свидѣтельствуютъ находимые остатки и цѣлые предметы вооруженія—мечи, копья, окованные желѣзомъ деревянные щиты, шлемы, кольчуги. Одинъ арабскій писатель утверждаетъ, что мечи славянской работы вывозились на продажу даже въ Византію. Не чуждо славянскимъ «кузнецамъ» было и искусство обрабатывать благородные металлы. Въ знаменитой черниговской Черной могилѣ, насыпанной, судя по найденнымъ въ ней византійскимъ монетамъ, никакъ не позднѣе IX вѣка, найдены два окованныхъ серебромъ турьихъ рога. Въ другой могилѣ были найдены маленькія наковальни и молоточки, двое вѣсовъ съ разновѣсками и окованный желѣзомъ ящичекъ—все предметы, которые могли быть въ употребленіи только у человѣка, занимавшагося обработкой благородныхъ металловъ. Черниговскія находки съ ихъ стилизованнымъ растительнымъ орнаментомъ, съ фигурами людей и животныхъ, говорятъ о большой высотѣ чеканнаго искусства. Хотя, конечно, нельзя говорить о широтѣ распространенія ювелирнаго искусства—можно утверждать только, что оно было и являлось, по всѣмъ вѣроятіямъ, искусствомъ избранныхъ. А такъ, въ обиходѣ, напримѣръ, обитателей такого жилья, какое изображено на картинѣ, подѣлки изъ желѣза были въ употребленіи

вмѣстѣ съ орудіями изъ камня и костей. Желѣзо, металлъ вообще— дешевъ быть не могъ по той трудности, съ какой онъ добывался.

Изъ другихъ промысловъ, но уже разрабатывавшихся не дома и даже не возлѣ дома, а требовавшихъ по свойству своему ухода болѣе или менѣе далеко отъ «своихъ», среди славянъ было распространено «бортничество»—добыча воска и меда отъ дикихъ, лѣсныхъ пчелъ. Самое слово «борть» обозначаетъ выдолбленное въ деревѣ дупло, которое занимали во время роя пчели. Эти борти промышленники ставили въ богатыхъ пчелами мѣстахъ, выбирая высокія кряжистыя деревья. Борть устраивали довольно высоко— руководствуясь желаніемъ затруднить къ ней доступъ лихому человѣку, а больше того лѣсному лакомкѣ—медвѣдю, который самое свое прозваніе получилъ отъ того, что хорошо вѣдалъ вкусъ меда. Собственникъ борти, какъ можно думать по позднѣйшимъ памятникамъ, сохранившимъ, однако, въ своихъ записяхъ свидѣтельства объ очень древнихъ обычаяхъ, ставили свои знаки на найденныхъ ими или заготовленныхъ ими бортяхъ. Кража меда или использованіе борти, отмѣченной чьимъ либо знакомъ, не собственникомъ, сдѣлавшимъ знакъ, по Русской Правдѣ разсматривается какъ большое преступленіе.

Охота, можно сказать, была самымъ распространеннымъ на ряду съ земледѣліемъ промысломъ у славянъ. «Ловы дѣяти», «ловити» — выраженія очень старыя въ славянскомъ языкѣ. Повѣствуя объ основателяхъ Кіева, легендарныхъ братьяхъ Кіи, Щекѣ и Хоривѣ, лѣтописное сказаніе замѣчаетъ относительно образа ихъ жизни, что они «бяху ловяще звѣрь». По арабскимъ писателямъ, «скора», т.-е. шкуры дикихъ звѣрей, мѣха, являются главнымъ предметомъ вывоза изъ страны славянъ. По свидѣтельству нашихъ лѣтописныхъ извѣстій, поляне, сѣверяне, вятичи платили хазарамъ дань «по бѣлѣй вѣвѣрицѣ[1]) отъ дыма»; древляне платили дань кіевскимъ князьямъ «по черне куне» — по черной куницѣ. За звѣремъ гонялись верхомъ, вѣроятно, съ собаками, били его изъ руки—рогатиной, стрѣляли, особенно птицу, изъ лука, ловили сѣтями—тенетами, растянутыми въ опредѣленныхъ мѣстахъ, къ которымъ гнали звѣря, оцѣпивъ опредѣленный уча-

[2]) Зимней бѣлкѣ.

стокъ загонщиками—участниками охоты; птицу ловили при помощи особенно къ тому пріученныхъ соколовъ и ястребовъ, что, впрочемъ, было больше потѣхой, чѣмъ охотой, и распространеніе получило сравнительно въ позднее время. За какимъ звѣремъ тогда охотились? Да, конечно, за тѣмъ же самымъ, о которомъ пишетъ Мономахъ, перечисляя труды и опасности своихъ охотничьихъ подвиговъ: «въ Черниговѣ,—пишетъ онъ,—связалъ я (т.-е. поймалъ арканомъ) 120 дикихъ коней; по Роси также ловилъ я дикихъ коней собственными руками: два тура поднимали меня на рога вмѣстѣ съ конемъ; олень билъ меня рогами, а два лося—одинъ топталъ меня ногами, а другой бодалъ рогами; дикій кабанъ оторвалъ у меня мечъ отъ пояса; медвѣдь вырвалъ у меня кусокъ сѣдла подъ колѣномъ; лютый волкъ бросился на меня и повернулъ меня вмѣстѣ съ конемъ... и съ коня много падалъ, голову разбивалъ себѣ дважды, случалось, что вредилъ себѣ руки и ноги». Если князю такъ тяжко доставались его охотничьи трофеи, то тѣмъ тяжелѣе и опаснѣе былъ охотничій промыселъ для простыхъ людей. Охота была тогда столько же промысломъ, сколько и необходимостью—дикое звѣрье, обильно населявшее дремучіе лѣса славянской страны, порой, надо думать, положительно держало въ осадѣ разбросанныя одиночныя жилища славянъ древнѣйшей поры, и ходить на охоту значило тогда предпринимать цѣлыя экспедиціи противъ звѣря, безпощадно избивая его и тѣмъ создавая хоть какую-нибудь безопасность для жизни около самыхъ поселеній. Важной статьей охоты были тогда еще бобры, обильными стадами засѣвшіе по приднѣпровскимъ рѣкамъ и рѣчкамъ и своей пушистой шкурой составлявшіе желанную добычу охотнику.

Располагаясь на жилье всегда около рѣкъ и озеръ, славяне, конечно, много занимались и рыболовствомъ. (см. картину). Ловили рыбу, какъ мрежами, т.-е. сѣтью или неводомъ, такъ и «удками». При раскопкахъ древнихъ городищъ и могилъ—частую находку составляютъ грузила для сѣтей и рыбьи кости, находимыя съ остатками иной пищи.

Одежду славянъ составляли ткани и шкуры дикихъ и домашнихъ животныхъ. Мужчины одѣвали на ноги порты изъ холста,

а на плечи рубахи; въ холодное время окутывались «кожухами» и «мѣхами», на ногахъ носили лапти, сплетенные изъ липовыхъ лыкъ, кожаные сапоги; въ качествѣ верхняго платья, служившаго защитой отъ холода и непогоды, былъ въ ходу плащъ—четыреугольный кусокъ какой-либо ткани, который накидывался на лѣвое плечо такъ, чтобы оставалась свободной, готовой къ защитѣ и нападенію правая рука. Люди богатые послѣ того, какъ широкое развитіе торговаго движенія по Днѣпру и участіе въ торговлѣ самихъ славянъ, создавало богатство, носили одежды болѣе пышныя и богатыя, какъ свидѣтельствуютъ могильныя находки. Византійскіе писатели отмѣчаютъ, впрочемъ, что славяне особой роскошью въ одеждѣ не отличались. По словамъ Прокопія, писавшаго о славянахъ конца VI в.,—нѣкоторые изъ нихъ не носятъ ни сорочки, ни плаща и идутъ въ битву одѣвъ только штаны. «Это могла быть,—замѣчаетъ проф. М. Грушевскій,—какая-либо пограничная голытьба, а можетъ быть это являлось извѣстнаго рода воинскимъ шикомъ, какъ впослѣдствіи, много вѣковъ спустя, у запорожцевъ». Но что одежды въ общемъ были очень просты, свидѣтельствуетъ непосредственная запись современника-очевидца, описавшаго встрѣчу Святослава съ Іоанномъ Цимисхіемъ, когда Святославъ прибылъ на свиданіе одѣтымъ въ простую бѣлую рубаху—надо думать рубаху и порты—которые только чистотой отличались отъ одежды его спутниковъ.

Древнѣйшимъ оружіемъ славянъ, какъ и у всѣхъ народовъ, было копье; сначала это былъ просто заостренный колъ, съ обожженнымъ концомъ въ качествѣ острія; потомъ стали прилаживать каменныя, костяныя и металлическія острія; затѣмъ въ большомъ ходу былъ ножъ и сѣкира—боевой топоръ, тоже сначала каменный, а потомъ желѣзный, насаженный на сравнительно длинную рукоять; лукъ со стрѣлами и тула—колчанъ, хранилище запаса стрѣлъ, довершали арсеналъ наступательнаго оружія древнѣйшихъ временъ; мечъ—большой, широкій обоюдоострый—считается оружіемъ, которое сравнительно поздно, лишь въ X вѣкѣ, вошло въ большой обиходъ у славянъ. Въ одномъ черниговскомъ курганѣ былъ найденъ мечъ длиной около полутора

аршина, довольно широкій, обоюдоострый, съ массивной, мастерски отдѣланной и, вѣроятно, посеребренной ручкой; тамъ же были найдены и нѣсколько мечей болѣе короткихъ. Оружіемъ защитнаго порядка служили—броня, шеломъ и щитъ.

Византійскіе и арабскіе писатели, повѣствуя о военномъ бытѣ современныхъ имъ славянъ, въ общемъ не очень лестнаго мнѣнія о славянскомъ вооруженіи. По словамъ Прокопія, славяне идутъ въ бой по большей части пѣшіе, съ небольшими щитами и копьями, безъ брони; Маврикій и Левъ діаконъ, говорятъ, что славянскіе воины имѣли обыкновенно по два короткихъ копья, одно метательное, а другое боевое; луки у нихъ небольшіе съ мелкими отравленными стрѣлами; у нѣкоторыхъ бываютъ щиты, но очень большіе и неудобные въ ручномъ бою. Арабская запись, относящаяся къ IX в., также говоритъ, что вооруженіе славянъ состоитъ изъ метательныхъ дротиковъ, щитовъ и копій, но называетъ также и мечи и кольчуги. Курганныя находки, особенно въ курганахъ, гдѣ погребены были люди простые, въ качествѣ оружія содержатъ копья, ножи, стрѣлы и топоры.

Что касается внѣшняго облика нашихъ предковъ славянъ, то это вопросъ, о которомъ много спорятъ до сихъ поръ. Брили-ли славяне-мужчины себѣ головы, или носили длинные подстриженные волосы, отпускали-ли бороды, или нѣтъ—все это очень спорные вопросы, а косвенныя свидѣтельства говорятъ и за и противъ. Арабскій писатель Ибнъ-Хаукалъ, говоритъ, что у славянъ— «нѣкоторые брѣютъ бороду, нѣкоторые же изъ нихъ свиваютъ ее на подобіе громадной гривы и окрашиваютъ ее желтой или черной краской». Другой арабъ—Аль-Бекри - тоже говоритъ, что «иные изъ руссовъ брѣютъ бороды, другіе же изъ нихъ закручиваютъ свои бороды на подобіе кудрей». Про Святослава, описывая его свиданіе съ Цимисхіемъ, Левъ діаконъ сообщаетъ, что «бороду онъ имѣлъ оголенную и съ верхней губы вдоль висѣли густые большіе пряди волосъ (усы); голова же была вся оголенная, только сверху ея въ сторону развѣвалась кудря (оселедецъ), означающая благородное его происхожденіе... видъ лица его былъ мрачный и звѣрскій; въ одномъ ухѣ висѣла золотая серьга, двумя жемчужинами

украшенная, между ними вставленъ былъ червчатый яхонтъ». Но сообщенія арабскихъ писателей относятся, можетъ быть, и не къ славянъ, а къ болгарамъ, напримѣръ. Святославъ же, навѣрное, въ своемъ обликѣ сохранилъ еще черты своего норманнскаго происхожденія. Остается думать, что славяне давней поры и брили головы и бороды, и не дѣлали этого. Что касается археологическихъ данныхъ, то въ большинствѣ могилъ находятъ длинноголовые волосы.

Сказать что-нибудь опредѣленное о внѣшнемъ обликѣ славянъ тѣмъ труднѣе, что въ наукѣ не совсѣмъ выясненъ даже физическій видъ древнѣйшихъ славянъ.

По мнѣнію проф. Л. Нидерле, «славяне, какъ и германцы и галлы принадлежали первоначально къ одному типу — длинноголовому и съ свѣтлой комплексіей и что еще въ началѣ исторической эпохи они были сходны между собой. Нынѣшній славянскій типъ, противорѣчащій такому представленію, надо объяснять или тѣмъ, что славяне съ очень древнихъ временъ смѣшивались на востокѣ съ разными, физически отличавшимися отъ нихъ азіатскими племенами, а на юго-западѣ съ неизвѣстной до сихъ поръ короткоголовой и темноволосой расой средней Европы, или же тѣмъ, что съ теченіемъ вѣковъ типъ ихъ измѣнился вслѣдствіе эволюціи подъ вліяніемъ разныхъ причинъ, внутреннихъ и внѣшнихъ. Теперь славяне представляютъ собой племя вполнѣ короткоголовое и по большей части съ темной комплексіей, т.-е. съ темными волосами и глазами». Проф. Ами раздѣляетъ славянъ по ихъ антропологическимъ признакамъ на два основныхъ типа: 1) свѣтловолосый, небольшого роста, къ которому онъ причисляетъ полабскихъ славянъ, поляковъ, бѣлоруссовъ и великоруссовъ и 2) темноволосый, высокаго роста, къ которому, по его мнѣнію, принадлежатъ сербо-кроаты, словенцы, чехи, словаки и малоруссы. Византійскіе и арабскіе писатели VI, VII, VIII и IX вв. описываютъ славянъ, какъ высокихъ блондиновъ. Прокопій говоритъ, что славяне очень сильны, высокаго роста, цвѣтъ волосъ имѣютъ ни темный, ни слишкомъ свѣтлый, но всѣ они рыжіе. У арабовъ славяне всегда именуются русыми. «Славяне народъ съ румянымъ цвѣтомъ лица и русыми

волосами».— говоритъ Абу Мансуръ. Даже своихъ за высокій ростъ. бѣлокурые волосы и голубые глаза они называютъ въ шутку славянами. Но, вѣроятно, эта подчеркнутая бѣлокурость славянъ казалась таковой на арабскій взглядъ, по сравненію съ ихъ собственной смуглостью и темнымъ волосомъ, такъ какъ археологическія находки свидѣтельствуютъ, что у славянъ преобладалъ темнорусый цвѣтъ волосъ.

Посмотримъ теперь, какъ сложился внутренній бытъ славянъ при тѣхъ естественныхъ условіяхъ, которыя они встрѣтили на русской равнинѣ. Мирный, земледѣльческій характеръ славянъ придавалъ ихъ нравамъ значительную мягкость; объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ писавшіе о славянахъ. Славяне своими нравами производили выгодное впечатлѣніе; «въ нихъ нѣтъ ни зложелательства, ни коварства,—говоритъ одинъ византійскій писатель, они любятъ свободу, не выносятъ ига рабства и повиновенія, соблюдаютъ цѣломудріе и исполнены мужества и кротости; честность ихъ такова, что имъ вовсе неизвѣстны воровство и обманъ». Въ особенности хвалятъ древніе историки гостепріимство славянъ: когда къ нимъ является иностранецъ, они провожаютъ его изъ одного мѣста въ другое и, если случится, что странникъ потерпитъ какую-нибудь бѣду по нерадѣнію своего хозяина, то сосѣдъ послѣдняго вооружается противъ него, почитая священнымъ долгомъ отмстить за странника. Съ плѣнными славяне обращались кротко: плѣнники не оставались у нихъ рабами цѣлый свой вѣкъ, какъ у другихъ народовъ, но по прошествіи извѣстнаго срока вольны были или возвратиться къ своимъ, давши выкупъ, или остаться жить между славянами. Родителямъ славяне оказывали почтеніе, заботились о нихъ въ старости.

Писавшіе о славянахъ византійцы указываютъ также на ихъ мужество въ бою, и умѣнье примѣнять въ дѣлѣ борьбы военныя хитрости, между которыми особенно замѣчателенъ ихъ обычай прятаться въ водѣ, выставляя для дыханія тростникъ; если же славяне сражались въ полѣ, то окружали себя укрѣпленіемъ изъ телѣгъ, ставя внутри женщинъ и дѣтей. Но они избѣгали выходить на бой въ открытое поле: природа ихъ страны да-

вала имъ уже достаточный оплотъ противъ враговъ. Такъ какъ селенія ихъ всегда лежали при рѣкахъ,—«которыя такъ часты, что между ними не остается значительнаго пространства»—то идущіе на нихъ войною принуждены бывали останавливаться у самаго предѣла ихъ страны; между тѣмъ славяне, почуявъ приближеніе враговъ, мгновенно укрывались отъ нападенія. Съ другой стороны, мирный земледѣльческій бытъ славянъ мѣшалъ имъ обратиться въ завоевателей. Отмѣчаютъ византійскіе историки и частые раздоры среди славянскихъ племенъ: «между ними,—говоритъ одинъ писатель,—господствовали постоянно различныя мнѣнія; ни въ чемъ они не были между собой согласны; если одни въ чемъ-нибудь согласятся, то другіе тотчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшеніе, потому что всѣ питаютъ другъ къ другу вражду и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому».

Далеко не такъ снисходителенъ былъ къ нравамъ древнихъ славянъ русскій лѣтописецъ; какъ христіанинъ и монахъ, онъ съ омерзеніемъ смотрѣлъ на все, что напоминало объ язычествѣ. Только о полянахъ отзывается онъ благосклонно, говоря, что они имѣли обычаи кроткіе и тихіе, были стыдливы передъ снохами и сестрами, матерями и отцами, свекровями и деверьями, имѣли брачный обычай. Нравы другихъ славянскихъ племенъ лѣтопись изображаетъ, напротивъ, мрачными чертами: древляне жили «по-скотски», убивали другъ друга, ѣли все нечистое, и, вмѣсто брака, похищали дѣвицъ; радимичи, вятичи и сѣверяне имѣли одинаковый обычай — жили въ лѣсу, какъ звѣри, ѣли все нечистое, срамословили передъ отцами и передъ снохами; браковъ у нихъ также не было, но происходили игрища между селами, гдѣ молодые люди, сговорившись съ дѣвицами, похищали ихъ; держали по двѣ и по три жены; если кто умретъ, творили надъ нимъ тризну, сожигали трупъ и, собравши кости, складывали ихъ въ малый сосудъ, который ставили въ столпѣ (курганѣ), на распутьи.

Настоящее изданіе картинъ по русской исторіи ставитъ себѣ задачей дать рядъ изображеній характернѣйшихъ моментовъ культурной жизни Россіи, опредѣляющихъ ея историческое развитіе и очерчивающихъ ея прошлый бытъ, какъ его можно себѣ представить на основаніи памятниковъ прошлаго и научныхъ изслѣдованій старины.

Курсъ русской исторіи обычно принято дѣлить на четыре большихъ періода: I. Кіевская Русь; II. Суздальская Русь; III. Московская Русь; IV. Всероссійская Русь.

Важнѣйшими уроками въ изложеніи перваго періода можно считать разсказы: *о славянахъ, предкахъ русскаго народа, объ ихъ торговлѣ, о появленіи варяговъ* и объ ихъ значеніи въ созданіи славяно-русской государственности, *о началѣ христіанства на Руси, о судѣ, объ управленіи вѣчевомъ и княжескомъ* въ Руси Кіевскихъ временъ. Семь картинъ на соотвѣтствующія темы въ предлагаемомъ изданіи и ставятъ себѣ цѣлью дать живописное художественное изображеніе указанныхъ моментовъ исторической жизни русскаго народа.

Въ Суздальскій періодъ исторической жизни великорусскаго народа изученіе его прошлыхъ судебъ болѣе всего останавливается на внѣшнемъ фактѣ татарскаго нашествія, приведшаго въ концѣ-концовъ къ исчезновенію самостоятельности Южной Руси, вскорѣ завоеванной Литвой, и на установленіи на сѣверо-востокѣ удѣльнаго строя государственной жизни. На эти темы даются двѣ картины: „*Баскаки*“ и „*Дворъ удѣльнаго князя*“.

Картины, освѣщающія бытъ Московскаго государства, можно раздѣлить на четыре большихъ группы. Первая имѣетъ задачей показать въ художественномъ изображеніи государственную власть тѣхъ временъ въ ея обычномъ каждодневномъ проявленіи. (См. по списку картины 11—17.) Ко второй группѣ картинъ относятся тѣ, которыя даютъ изображенія моментовъ жизни трехъ важнѣйшихъ отдѣльныхъ слоевъ общества тѣхъ временъ въ ихъ отношеніи къ государству, въ ихъ „службѣ“ государству. (См. карт. 18—22.) Третья группа картинъ имѣетъ задачей иллюстрировать тѣ стороны жизни, которыя въ общежитіи преимущественно называютъ культурными. (См. карт. 23—25.) Четвертую группу картинъ, относящихся къ исторіи Московскаго государства, составляютъ двѣ, имѣющія своей задачей изобразить моменты изъ тѣхъ двухъ крупныхъ событій, которыя не только потрясли въ основаніи Московское государство, но наиболѣе ярко за все время его существованія опредѣлили, чѣмъ оно жило, какой характеръ устои его жизни имѣли и сколь жизненно прочны они были. Эти событія, конечно, „*Смута*“ и „*Расколъ церкви*“. Картина 26 и 27 даютъ характерную сцену изъ исторіи смутнаго времени и изъ временъ раскола.

Картины, относящіяся къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ русской исторіи, не представилось возможнымъ сгруппировать въ такія же цѣльныя и сравнительно полныя серіи, опредѣленно, немногими яркими чертами рисующія суть жизненныхъ явленій и быта даннаго времени. Препятствовали этому, съ одной стороны, большая сложность и многообразность явленій исторической жизни за это время, а съ другой—историческая близость къ нашей современности, своего рода незаконченность развитія многихъ сторонъ жизни XVIII и XIX вв. Поэтому пришлось взять для иллюстраціи характерные для каждаго раздѣленія моменты иногда болѣе внѣшняго, чѣмъ внутренняго значенія, но всегда имѣя въ виду иллюстрировать не самый фактъ, взятый самъ-по-себѣ, а воспользоваться имъ въ его внутреннемъ смыслѣ—взять его какъ характерный для данной эпохи, какъ обобщающій извѣстное историческое состояніе даннаго времени.

Время Петра Великого, какъ время реформъ, въ результатѣ положившихъ грань между Русью Московской и имперіей Всеросійсской и легшихъ въ основу исторической жизни Россіи, какъ европейской державы, рисуютъ

картины, которыя очерчиваютъ главнѣйшія изъ реформъ, даютъ изображеніе новыхъ людей, новаго быта, новаго управленія и указываютъ на пріемы реформатора въ его дѣятельности. (См. картины 28—35.)

Времени наслѣдниковъ Петра Великаго, характеризуемаго обыкновенно какъ время дворцовыхъ переворотовъ и господство фаворитовъ при дворѣ, посвящены картины 36 и 37.

Времени Екатерины II посвящено четыре картины (38—41): *„Выходъ императрицы Екатерины II“*, *„Въ лагерѣ Екатерининскихъ солдатъ“*, *„Дворянское собраніе при Екатеринѣ II“*, *„Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII в.“*.

Картина (42) *„Вахтпарадъ императора Павла I“* характеризуетъ это сумрачное царствованіе съ его шагистикой и муштровкой.

Времени Александра I посвящаются три картины. Первая изображаетъ опредѣляющее внѣшнее событіе того времени—1812 г., рисуя *разореніе Москвы* французами (43); вторая характеризуетъ смутное и тяжелое время аракчеевщины, изображая сцену *изъ жизни военныхъ поселеній* (44); третья (45), *„Декабристы“*, даетъ изображеніе изъ исторіи протеста противъ гнета аракчеевщины.

Время Николая I характеризуется картинами въ трехъ направленіяхъ, какія намѣчались въ тогдашней жизни. Это, во-первыхъ, все нивеллирующая и ставящая въ одну шеренгу, подъ одну фельдфебельскую палку, солдатчина, съ ея балетной муштрой и ярко начищенной амуниціей. (См. карт. 46—*„Ученье рекрутъ въ Николаевское время“*.) Второй чертой Николаевскаго времени, во многомъ являвшейся слѣдствіемъ установившагося режима и господства крѣпостного права, является та общественная неподвижность и спячка опекаемыхъ благодѣтельнымъ начальствомъ среднихъ слоевъ населенія. Картина (47), изображающая *„Городъ Николаевскихъ временъ“*, пытается дать внѣшнее изображеніе жизни русскаго обывателя тѣхъ временъ, а картина *„Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ“* (48) рисуетъ тѣ вольно и невольно беззаботно веселыя стороны тогдашней жизни, въ которыхъ почти исключительно выражалась вся ея общественность. Третьей чертой Николаевской эпохи, конечно, будетъ то пробужденіе мысли и стремленіе къ жизни и свѣту, котораго ничто не смогло задавить и которое выразилось въ декабристахъ, Пушкинѣ, расцвѣтѣ литературно-научныхъ интересовъ въ Москвѣ, съ ея университетомъ, около 40-хъ годовъ, когда гремѣли по московскимъ гостинымъ споры западниковъ и славянофиловъ, а въ Московскомъ университетѣ раздавалось вдохновенное слово Т. Н. Грановскаго. На эту тему и отвѣчаетъ картина (49) *„Люди 40-хъ годовъ“*.

Картина (50), относящаяся къ моменту *освобожденія крестьянъ*, завершаетъ собой пока серію картинъ по русской исторіи.

Въ распоряженіе преподавателя русской исторіи поступаютъ, такимъ образомъ, пятьдесятъ картинъ, изображающихъ важные моменты въ развитіи жизни русскаго народа. Горячимъ желаніемъ издателя, составителя плана и редактора и всѣхъ принимавшихъ участіе въ созданіи самыхъ картинъ было, чтобы онѣ сослужили свою добрую службу русской школѣ, изученію прошлаго русской жизни, пробужденію любви къ тому прошлому; какъ порой ни печально и ни безотрадно оно было, но оно пережилось и, въ концѣ-концовъ, должно привести черезъ плодотворное настоящее къ доброму и свѣтлому будущему, вѣрно понять и оцѣнить которое безъ знанія прошлаго нельзя.

Кромѣ этой серіи, нами намѣчено изданіе ряда картинъ, которыя изображаютъ важнѣйшіе моменты русской исторіи въ ея связи со внѣшними событіями, среди которыхъ совершался политическій ростъ страны и развитіе русской державы.

Т-ВО СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ, МОСКВА.